

О двухъ братьяхъ.

Жили-были два брата. Старшій Семень, былъ лѣн-
тяй. Иванъ же
былъ хорошій, прилежный парень, но только
привыкъ во всемъ слушаться старшаго брата
и изъ этого ничего хорошаго не выходило. Хо-
зяйство свое они довели до того, что у нихъ
не только не было ни лошади ни коровы, но на
дворѣ не осталось даже ни единой курицы.
Нужда началась такая, что хоть по міру иди.
— Пойду-каяданаймусьвъ батраки, говоритъ
Иванъ Семену.— По крайней мѣрѣ, сытъ буду.

— Ты-то будешь сытъ, а я-то какъ же?—спрашиваетъ его Семень.

— И ты наймись,—отвѣчаетъ ему Иванъ.

— Была охота! Я и самъ не пойду въ батраки да и тебя не пущу. Пойдемъ мы лучше на большую дорогу да ограбимъ какого-нибудь купца. Такъ-то будетъ лучше.

— Нѣтъ, грабить я не пойду,—сказалъ Иванъ.

— А пойдешь!—крикнулъ Семень.—Сядемъ мы у дороги, я лошадей остановлю, а ты сѣдока огрѣй дубиной, а ужъ я потомъ раздѣлаюсь по-своему.

Долго Иванъ упрашивалъ и умаливалъ не брать его на грабежъ, но Семень и слышать не хотѣлъ и притащилъ его на большую дорогу и посадилъ рядомъ съ собою въ кусты.

Вотъ сидѣли они, сидѣли, вдругъ услышали почтовый колокольчикъ. То ѣхалъ богатый купецъ. Семень выскочилъ, остановилъ лошадей и крикнулъ:

— Ну, братъ, начинай!

А братъ-то, вмѣсто того, чтобы выбѣжать на дорогу, убѣжалъ въ лѣсъ.

А ямщикъ и купецъ тѣмъ временемъ соскочили да такъ избили Семена, что у него еле душа въ тѣлѣ осталась, избили да на

дорогѣ и бросили. Отлежался Семень и пошелъ въ лѣсъ искать брата. Нашелъ онъ Ивана и началъ онъ его бранить и такъ сердился, что выкололъ ему глаза и бросилъ его въ лѣсу, а самъ ушелъ домой.

Долго лежалъ бѣдный слѣпой Иванъ подѣ деревомъ. Итти никуда не можетъ—ничего не видитъ, такъ подѣ деревомъ и приготовился умереть. Лежалъ онъ, лежалъ и вдругъ слышитъ, что прилетѣли вороны и сѣли надѣ нимъ на дерево.

— Каръ! каръ! каръ!—прокричала одна изъ нихъ.—Каръ! А я знаю, какъ глаза вылѣчить! каръ! надо промыть утренней росой.

— Каръ! каръ! каръ!—прокричала другая.—Каръ! А я знаю, какъ разбогатѣть. Надо пойти на полуденное солнышко, тамъ будетъ городъ и въ городѣ вода пропала. А у входа въ городъ стоитъ избушка одной вдовы, и передъ окнами растетъ береза, такъ подѣ этой березой есть источникъ воды.

— Каръ! каръ! каръ!—закричала третья ворона.—Каръ! А я знаю, какъ вылѣчить царевну. Надо у нея въ комнатѣ въ правомъ углу поймать въ норѣ мышъ, разрѣзать ее и вынуть кусочекъ хлѣбца, который она съѣла вмѣсто царевны, и дать его съѣсть больной.

Вороны покаркали - покаркали и улётѣли.

Иванъ утромъ, на зарѣ, собралъ росу и только что вымылъ ею глаза, какъ тотчасъ же сталъ видѣть еще лучше прежняго. Радостно пошелъ онъ на полуденное солнце. Много-много дней шелъ онъ и вотъ подошелъ къ городу. Жара стояла нестерпимая и въ городѣ не было ни травинки, и деревья стояли сухія, какъ вѣники. По улицамъ еле двигались блѣдные, печальные люди. Иванъ зашелъ къ бабушкѣ-задворенкѣ и просилъ у нея позволенія переночевать.

— Не на радость ты пришелъ сюда,— сказала ему бабушка-задворенка.— Видишь, какая у насъ бѣда въ городѣ.

— А что же у васъ такое?—спросилъ Иванъ.

— Вода пропала. Народъ мретъ какъ мухи. Не знаетъ, что и дѣлать,—отвѣчала бабушка-задворенка.

— А я знаю что дѣлать, — сказалъ Иванъ.—Поди, объяви народу, что я могу достать воду.

— Смотри, Иванъ, не говори глупостей. Вѣдь если не добудешь воды, то тебя разорвутъ.

— Если не добуду, такъ и пускай разорвуть. Туда, значить, моль, и дорога.

Старуха выбѣжала на улицу и закричала на весь честной народъ, что къ ней пришелъ такой человѣкъ, который берется добыть воду.

Всѣ, кто еще держался на ногахъ, высыпали на улицу и пошли съ Иваномъ.

Иванъ прошелъ къ самому краю города. Спросилъ, чья крайняя избушка, и, узнавъ, что она принадлежитъ вдовѣ, онъ приказалъ начать выкапывать засохшую березу. Работа закипѣла, березу выкопали, но никакихъ слѣдовъ не только воды, но даже сырости не оказалось. На Ивана стали посматривать косо и начали даже задѣвать его. У Ивана душа въ пятки ушла. «Ну,—думаетъ,—конецъ мой пришелъ». Но онъ виду не показавъ и принялся копать еще усерднѣе. Вдругъ заступъ ударился о что-то твердое. Смотрить—камень.

— Ну, ребята, давай поднимать его!—крикнулъ Иванъ. Камень мигомъ своротили въ сторону и всѣ они едва успѣли выскочить изъ ямы, потому что изъ-подъ камня метнулась струя прозрачной холодной воды. Весь народъ крикнулъ въ одинъ голосъ. Кто пилъ самъ, кто тащилъ ведро воды домой,

чтобы напоить больныхъ домашнихъ. А вода, между тѣмъ, такъ и хлестала и наполнила всѣ канавки, всѣ колодцы, всѣ пруды.

Вышелъ Иванъ отъ бабушки-задворенки бѣднымъ человѣкомъ, а вернулся богачомъ, — такъ щедро наградила его городъ.

Переночевалъ онъ у нея, спросилъ, гдѣ живетъ больная царевна, и пошелъ по указанной дорогѣ. Шелъ онъ, долго ли, коротко ли, и, наконецъ, дошелъ до богатаго города. Остановился у другой бабушки-задворенки и попросился у нея ночевать.

— Ахъ, молодецъ, — сказала ему старушка, — не во-время пришелъ ты къ намъ въ городъ.

— А что такъ? — спросилъ Иванъ.

— Да у насъ царевна очень больна. Можно сказать, что при смерти.

— А вѣдь я могъ бы вылѣчить ее.

— Ой ли? Да что ты говоришь? Вѣдь царь отдастъ ее замужъ за того, кто ее вылѣчитъ, и отдастъ полцарства.

— Поди, бабушка, завтра утромъ къ царю и скажи, что царевну я могу вылѣчить.

Старуха только что встала, такъ и побѣжала къ царю сказать, что пришелъ чело-

вѣкъ, который вызывается вылѣчить царевну.

Царь очень обрадовался, и Ивана повели во дворецъ. Дорогой онъ зашелъ въ лавку, купилъ мышеловку. Придя въ комнату больной царевны, онъ поставилъ въ правомъ углу мышеловку. Очень скоро мышеловка захлопнулась, Иванъ досталъ изъ пойманной мышки кусочекъ хлѣба и далъ его съѣсть царевнѣ.

Въ тотъ же день царевнѣ стало лучше, а на слѣдующій день она уже встала съ постели и вышла изъ своей комнаты. Царь былъ безконечно радъ, и когда царевна совершенно поправилась, то онъ выдалъ ее замужъ и отдалъ Ивану полцарства.

Молодые стали жить да поживать, но Ивану очень хотѣлось хоть на время съѣздить домой. Онъ и сталъ звать царевну— поѣдемъ да поѣдемъ! Царевна согласилась. Вотъ наложили они цѣлый обозъ всякаго добра и поѣхали къ себѣ.

Нанялъ Иванъ дома что ни на есть самую лучшую избу и сталъ поживать. А Семень чуть что не по міру ходилъ. Приходитъ къ нему Иванъ, а Семень и не узнаетъ

его. Такой онъ сталъ красивый да нарядный.

— Неужели ты, братъ, не узнаешь меня?—спрашиваетъ его Иванъ.—Я братъ твой.

— Нѣтъ, братъ мой слѣпой и его давно волки съѣли,—отвѣчаетъ Семень.

— Нѣтъ, я вижу хорошо, хоть ты и выкололъ мнѣ глаза, и волки меня не съѣли.

Иванъ ушелъ отъ него, не сказавъ ему ничего больше.

На другой день къ Семену приходитъ Иванова жена-царевна и просить: нѣтъ ли у него четверика.

— Брату твоему Ивану,—говоритъ она,—нужно мѣрить серебро, золото и самоцвѣтные камни.

Семень далъ четверикъ да и говоритъ:

— Этакіе ты пустяки говоришь. Вотъ и видно, что языкъ - то у тебя безъ костей.

Царевна взяла четверикъ и вскорѣ принесла его обратно.

Какъ Семень посмотрѣлъ, такъ и ахнулъ. Въ щелкахъ четверика вездѣ оста-

лись и серебро, и золото, и самоцвѣтные камни.

Онъ тотчасъ же собрался и пошелъ къ брату. У брата-то изба была убрана, что хоромы, даже стѣны завѣшаны коврами.

Иванъ угостилъ брата и рассказалъ ему, какъ вороны научили его выпутаться изъ бѣды. Не даетъ зависть Семену покоя.

— Выколи ты мнѣ глаза, братъ,—приста-
етъ онъ къ Ивану ежедневно.

Иванъ просто отдѣлаться отъ него не могъ. Свелъ онъ его въ лѣсъ и выкололъ ему глаза. Вотъ и лежитъ Семень подъ деревомъ и слышитъ, какъ прилетѣла первая ворона и каркнула.

— Я здѣсь!—крикнулъ ей въ отвѣтъ Семень.

Ворона испугалась и улетѣла. Прилетѣла вторая ворона и тоже каркнула.

— Я здѣсь!—отвѣтилъ ей Семень.

Вторая ворона испугалась и тоже улетѣла.

Прилетѣла третья ворона и тоже каркнула.

— Я здѣсь!—крикнулъ Семень.

Третья ворона тоже улетѣла.

Иванъ, видя, что Семень не вернулся, пошелъ въ лѣсъ и научилъ его вымыться росой.

Иванъ оставилъ все, что привезъ съ собой, своему брату, а самъ уѣхалъ съ царевной къ царю и сталъ жить да поживать да добро наживать.

